

РАЗДЕЛ 2.
СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ
ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

П.В. Ананин, Вятский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС КОНЦЕПТА АГЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ
В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Статья посвящена историко-теоретическому анализу понятия агентности молодежи. Показано, что смысловое ядро этого концепта формировалось в теориях социальной активности. Рассмотрена эволюция подходов от материалистических и идеалистических идей до современных представлений. Обосновывается, что понимание молодежи как активного агента социальных изменений требует синтеза теоретических наработок о природе, источниках и формах социальной активности.

Ключевые слова: агентность, молодежь, социальная активность, социальные изменения.

P.V. Ananin, Vyatka state university

THEORETICAL GENESIS OF THE CONCEPT OF YOUTH AGENCY
IN THE CONTEXT OF SOCIAL ACTIVITY RESEARCH

This article presents a historical and theoretical analysis of youth agency, showing its conceptual core was shaped by theories of social activity. Tracing the evolution of approaches from materialist and idealist ideas to modern perspectives, it argues that understanding youth as active agents of change requires synthesizing knowledge on the nature, sources, and forms of social activity.

Keywords: agency, youth, social activity, social change.

В современных социогуманитарных исследованиях понятие агентности (agency) приобретает все большую популярность, обозначая способность индивида или группы действовать самостоятельно, осознанно и преобразующе, оказывая влияние на социальную реальность. Актуальность изучения агентности в контексте молодежных исследований обусловлена тем, что молодое поколение, находясь на этапе активного становления, перестает восприниматься исключительно как объект социализации. Оно все отчетливее выступает в роли активного агента, способного не только адаптироваться к новым условиям, но и инициировать структурные новации. Рассмотрение генезиса концепции агентности недостаточно без анализа теоретического пласта, связанного с изучением теорий социальной активности.

Традиционно теории социальной активности фокусируются на внутренних источниках, личностных детерминантах и качественных характеристиках целенаправленной деятельности субъекта. Историко-теоретический анализ подходов к социальной активности позволяет выявить, как в научной мысли формировалось понимание индивида не как пассивного исполни-

теля ролей, а как инициативного, осознанного и преобразующего агента, что является смысловым ядром современной категории агентности.

Теоретическое осмысление активности в социальных науках берет начало в философских дискуссиях, где сформировались две основные парадигмы. Материалистический подход, представленный в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.С. Батищева, рассматривал социальную активность как производную от материально-практической деятельности человека. В этой традиции активность понимается как «социальная дееспособность человека, которая определяет путь влияния – включение во все общественные отношения или активное участие в продуктивной деятельности» [1]. Ключевым здесь является тезис о том, что активность формируется в процессе преобразования среды и усвоения общественных отношений. Этот подход закладывает важное для агентности положение о деятельностной природе человеческой субъектности и ее связи с социально-историческим контекстом.

В противовес ему, идеалистический подход (И. Кант, Г. Гегель, М. Хайдеггер) трактовал активность как имманентное свойство духа, внутреннее качество личности. И. Кант, формулируя категорический императив, установил нормативную основу активности, указав на ее осознанный и нравственно-ответственный характер [2]. Данная традиция акцентирует внутренние источники и рефлексивность активности, что становится необходимым для понимания мотивационно-ценностной составляющей агентности. Синтез этих позиций осуществляется в конструктивистской парадигме (П. Бергер, Т. Лукман), где активность интерпретируется как творческий процесс конструирования новой реальности. Эта парадигма напрямую подводит к идее агентности как способности к производству новых социальных смыслов [3].

В классических социологических трудах активность личности раскрывается через категории «социальное действие», «деятельность» и «практика». М. Вебер предложил классификацию действия по степени рациональности. П. Бурдьё для анализа использовал концепты поля и габитуса. Э. Гидденс связывал действие с непрерывным потоком активности. А. Турен характеризовал «человека действующего», а Х. Йоас развивал теорию креативного характера действия. Э. Фромм представил концепцию активности личности, разделив ее на отчужденную и неотчужденную [4].

В российской и советской социальной мысли XX века понятие социальной активности прошло сложную эволюцию, отражавшую изменения идеологического контекста. В 1920–1930-е годы активность отождествлялась с социальным творчеством и революционной инициативой [5]. В 1930–1960-е годы («сталинский период») происходит перелом: активность начинает связываться прежде всего с дисциплинированным трудом и подчинением личности социальной системе. В 1960–1970-е годы («оттепель») социальная активность переосмысливается как проявление активной жизненной позиции, «единство слова и дела», начинается разработка проблематики субъектности [6]. В 1970–1980-е годы формируются социально-педагогические теории, акцентирующие роль воспитательного коллектива. Однако, как отмечал Б.З. Вульф, формализм сковывал подлинную субъектность молодежи, что привело к кризису и поиску новых форм активности в 1990-е годы [7].

В современный период (конец XX – начало XXI вв.) социальная активность трактуется как личностная социально-нравственная характеристика, обнаруживаемая в продуктивной, осознанной деятельности [8]. Подчеркивается высокий уровень субъектности, сознательности, инициативности и ответственности личности [9]. Исследователи выделяют такие ее проявле-

ния, как готовность к социально-нравственному самоопределению и способность ставить социально значимые цели [10].

В отечественной традиции понятие социальной активности трактуется многоаспектно. Ряд авторов (Т.С. Лапина, Г.В. Осипов) определяют ее как деятельность; М.В. Бабина и В.А. Смирнов – как меру деятельности; В.Г. Мордкович – как качество личности; Е.А. Ануфриев – как отношение личности к деятельности [11]. Исследования Г.С. Арефьевой, Ю.Е. Волкова и В.А. Смирнова посвящены сущности активности масс и диалектике объективных и субъективных факторов [12]. Формам проявления активности и влияющим на нее факторам посвящены работы В.Г. Мордковича, А.А. Баранова, Е.С. Балабановой [13]. Отметим также исследования динамики социальной активности студенческой молодежи на региональном уровне (С.С. Балабанов, П.И. Куконков, Ю.В. Березутский, Е.М. Харланова и др.) [14].

Эволюция концепций социальной активности дополняет концепцию агентности критически важным содержанием, сместив фокус с внешних форм вовлеченности на внутренние способности субъекта. Агентность молодежи можно рассматривать как интегративное понятие, вобравшее в себя от теорий социальной активности понимание внутренних источников, мотивации и преобразующего потенциала действия. Этот синтез позволяет изучать молодежь не просто как объект политики, но как активного, рефлексизирующего агента.

В результате историко-теоретического анализа можно реконструировать ключевые идеи рассмотренных подходов в интегральное понимание агентности молодежи через следующие тезисы:

1. Агентность – это способность, реализуемая на пересечении внутренних ресурсов личности и внешних структурных возможностей. Двойственная природа концепции включает в себя понимание «поля» реализации (институты, механизмы вовлечения) и понимание «ядра»: внутренней мотивации, инициативы и преобразующего потенциала личности.

2. Агентность включает осознанное, целеполагающее и ответственное действие. Благодаря классическим социологическим теориям (М. Вебер) и идеалистической философии (И. Кант) в концепт закладываются такие характеристики, как осмысленность действий, понимание норм и способность к рефлексии.

3. Исследования социальной активности акцентируют внутренние источники действия: потребности, ценности, убеждения. Мотивационная структура агентности сложна и может включать как ценностно-рациональную, так и целерациональную составляющие.

4. Вслед за классификациями (Ш. Арнштейн) необходимо признать, что агентность варьируется от пассивных форм до способности влиять на решения. Ключевым критерием становится качество участия и способность добиваться изменений.

5. Существенным аспектом является способность не только действовать в существующих структурах, но и оспаривать и трансформировать их, осознавая ограничения, навязанные социальными иерархиями.

Таким образом, проведенный анализ убедительно демонстрирует, что изучение социальной активности молодежи через призму агентности открывает новые методологические перспективы для эмпирических исследований. Это позволяет фиксировать не просто формальную вовлеченность, а качественные характеристики преобразующего действия молодого поколения в условиях нарастающей социальной нестабильности и неопределенности.

Список литературы:

1. Общественная активность молодежи / сост. В.Г. Мордкович. М.: Мол. гвардия, 1970. 234 с.
2. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собр. соч.: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 4. С. 153–247.
3. Конструктивизм в теории познания / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2008. 171 с.
4. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.; Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.; Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. 525 с.; Турен А. Возвращение человека действующего. М.: Научный мир, 1998. 204 с.; Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. 319 с.; Фромм Э. Иметь или быть. К.: Ника-Центр, 1998. 400 с.
5. Левкина Т.И. Воспитание социальной активности детей и подростков...: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Владимир, 2000. 20 с.
6. Скляр П.П., Абрамова С.В. Развитие социальной активности молодежи // Состояние, проблемы и перспективы развития современного образования: монография. Петрозаводск: Новая Наука, 2020. С. 176–194.
7. Вульф В.З., Пидкасистый П.И., Иванов В.Д. Психология и педагогика: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2012. 724 с.
8. Мордкович В.Г. Социальная активность: некоторые методические проблемы фиксации и измерения. М.: Яникс, 2003. 158 с.
9. Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Социальная экология: учебное пособие. 2-е издание. М.: Юрайт, 2013. 517 с.
10. Абульханова-Славская К.А. Социально-психологические аспекты активности личности // Социально-психологические проблемы производственного коллектива. М., 1983. С. 7–22.
11. Лапина Т.С. Этика социальной активности личности. М.: Высшая школа, 1974. 112 с.; Социологический словарь / ответственные редакторы Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2008. 606 с.; Бабина М.В. Общественно-политическая активность рабочей молодежи // Социальная активность молодежи: сборник научных трудов. М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1980. С. 33–34; Мордкович В.Г. Факторы социальной активности городского населения. М.: ИСИ, 1986. 177 с.; Ануфриев Е.А. Социальный статус и активность личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
12. Арефьева Г.С. Социальная активность (проблема субъекта и объекта...). М.: Политиздат, 1974. 230 с.; Волков Ю.Е. К методологии анализа социальной активности молодежи. М., 1970. 21 с.; Смирнов В.А. Социальная активность советских рабочих. М., 1979. 206 с.
13. Баранова Г.В., Баранов А.А. Социальная активность (опыт методологического анализа) // Вестник РГГУ. 2013. № 2 (103). С. 233–242; Балабанова Е.С. Личностные и групповые факторы развития социальной активности молодежи // Приоритетные направления развития науки и образования. 2015. № 2 (5). С. 226–229.
14. Балабанов С.С., Куонков П.И. Социальная активность нижегородского студенчества. Нижний Новгород: Институт социологии РАН, 2013. 208 с.; Березутский Ю.В. Социальная активность молодежи региона: касоциологический анализ. Хабаровск: Дальневосточный институт управления, 2019. 174 с.; Харланова Е.М. Исследование социальной активности студентов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5. С. 173–178.